

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 271.22(571.17)-9

В.Л. Правда

**ДЕЛО АРХИЕПИСКОПА ПАВЛИНА (КРОШЕЧКИНА)
В НОВО-ИВАНОВСКОМ ЛАГЕРНОМ ПУНКТЕ СИБЛАГА**

Дела против «церковников» были постоянной репрессивной практикой большевистского режима, начиная с первых послеволюционных лет. Одни из них были громкими показательными, с участием церковных иерархов, как например, дело «петроградских церковников» 1922 года. Другие – обыденными, рядовыми, объединяющими настоятелей и священников нескольких маленьких сельских храмов. Но эти процессы с той или иной активностью и частотой с 20 по 50-е годы проводились всегда. И если процессы 20-х годов носили хоть какую-то видимость законности, предполагали публичность, защиту обвиняемых, то к 30-м годам режим отказался и от защиты, и от самих судей, которых заменили внесудебные «тройки». Особенно циничными и незаконными являлись политические процессы, организованные в лагерях. Они были инициированы изданием секретного приказа НКВД № 00447 от 31 июля «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В приказе особо указывалось, что в отношении «наиболее активных антисоветских элементов» операция должна была проводиться также в тюрьмах, лагерях, трудпоселках [3].

В лагерях Кузбасса за период действия указа было организовано несколько групповых политических процессов: Антибесский – 2 процесса, Ахпунский – 2 процесса, Ново-Ивановский – 2, Суловский – 1, Юргинский – 2. Сводные данные по процессам сделаны на основе выборки приговоров, приведенных в книге: Новомученики и исповедники земли Кузнецкой Кемерово, 2011. В ней приводятся данные о 176 пострадавших за веру в лагерях Кузбасса и убитых бандитами. [6].

Таким образом, всего по нашим данным прошло девять процессов, которые закончились для подавляющего большинства их участников казнью. Всего в Кузбассе к этому времени существовало 16 лаготделений Сиблага [2].

Процессы в лагерях, как и повсеместно, заранее режиссировались: подбирались жертвы, «руководители». Сразу после указа НКВД № 00447 в лагерях произвели перемещения заключенных: некоторых епископов, архиепископов перевели в те лагерные пункты, где планировалось организовать крупные политические процессы. Так, архи-

епископа Евсевия Рождественского в августе 1937 года переводят из Юргинского в Ахпунский лагпункт. Епископ Аркадия Ершов в сентябре 1937 года был переведен из Мариинского распределительного пункта в Ново-Ивановский лагерь, где готовится дело архиепископа Павлина (Крошечкина).

Архиепископ Павлин родился в российской глубинке, в простой крестьянской семье. Его духовная устремленность начиная уже с детских лет, была столь сильной и яркой, что он, преодолев все внешние препятствия и трудности, смог получить блестящее образование в Московской Духовной Академии, стать кандидатом богословия. Был епископом Пермским, Калужским, Могилевским. Являлся одним из инициаторов и участником тайных выборов патриарха в 1926 году. Вел активную деятельность по преодолению раскола в Белоруссии, где помимо обновленческой церкви появилась и автокефальная Белорусская церковь. Именно эта объединяющая Церковь деятельность епископа Павлина вызывала особую неприязнь органов НКВД и стала причиной ареста владыки. Крошечкин через посредников вел тайные переговоры с главой автокефальной церкви Белоруссии епископом Бобруйским Филаретом. Ему уже удалось договориться об упразднении Белорусской автокефальной церкви через присоединение ее к Патриархии. Об этом он составил докладную записку на имя патриаршего местоблюстителя Сергия (Страгородского) и отправил ее в Москву. Каким-то образом о рапорте владыки Павлина узнали в НКВД. Было принято решение о его аресте. 19-21 апреля 1936 года в Могилеве состоялось закрытое судебное заседание. Владыке был вынесен приговор: 10 лет исправительно-трудовых лагерей с отбыванием срока в Сиблаге.

Весной 1936 года архиепископ прибыл в Ново-Ивановский лагерный пункт Сиблага НКВД.

Ново-Ивановский сельскохозяйственный лагерь располагался на север Кузбасса в Верх-Чебулинском районе. Он появился в 1932 году и к 1940 году состоял из шести лагпунктов. Дело архиепископа Крошечкина, участниками которого являлись священнослужители, было организовано в 3-ем лагпункте (3-я свиноферма). В лагере архиепископ испытывал все тяготы лагерной жизни:

полуголодное существование, тяжелый труд, унижения и издевательства, пещерные бытовые условия. Но и общение с близкими по духу людьми, священнослужителями все-таки как-то скрашивали тяжелые будни. В особенности владыка сблизился с архиепископом Аркадием Ершовым, который тоже когда-то управлял Пермской епархией. Во взаимной поддержке два владыки старались быть всегда рядом: вместе ели, спали на соседних нарах и не отступали от предназначенного им пастырского служения. Владыка Павлин по утрам служил молебен, на который собирались заключённые духовного звания и верующие.

Аресты обвиняемых по делу архиепископа Крошечкина прошли 30 сентября-1 октября 1937 года. Было арестовано восемь заключенных: архиепископы Павлин Крошечкин, Глеб Покровский епископ Аркадий Ершов, иеромонах Петр Чернышов, священник Никандр Чернелевский, священник Анатолий Левицкий, псаломщик Киприан Анников, имя восьмого арестованного установить не удалось. Они представляли священство всех уголков России: владыка Павлин – архиепископ Могилевский, Глеб Покровский – архиепископ Пермский, Аркадий Ершов – епископ Кунгурский, иеромонах Петр Чернышов (монашеское имя Полихроний) из Рязани, Чернелевский арестован в Харькове, Анников арестован в Москве. Связанные общим служением, они поддерживали друг друга, пытались наладить молитвенную жизнь в лагере, собирались на общие молебны, что, конечно не было уголовно наказуемым преступлением.

Дела в лагерях расследовались и оформлялись по особым упрощенным правилам, которые регламентировались специальными инструкциями НКВД. Арестовываться в лагерях разрешалось без всяких ордеров по справкам, составленной лагерной администрацией. В справке содержались краткие биографические данные, сведения о судимостях, сроках и обвинение. Обвинение было стандартным: контрреволюционная деятельность и пропаганда, участие в контрреволюционной группе.

Например, на архиепископа Павлина Крошечкина была составлена такая справка: «Отбывая наказание в Ново-Ивановском отделении Сиблага НКВД, являлся организатором к/р группы заключенных из быв. служителей культа, которая под маской религиозных обрядов проводила к-р деятельность в лагере». [1, л.д. № 2]. Далее приводился ряд его антисоветских высказываний, в том числе и о преследовании служителей религиозного культа, что, конечно, не являлось клеветой на советский, а отражало подлинные реалии советской действительности. «На основании изложенного з/к Крошечкин подлежит аресту и привлечению к уголовной ответственности по с. 58-10-П» [1, л.д. № 2]. Справка подписана Начальником управления Сиблага НКВД, ст. лейтенантом гос-

безопасности Шишмаревым.

Особенностью этого документа является то, что ни одна из рассмотренных нами справок не имеет даты. Хотя все остальные документы в обязательном порядке датировались. Даты на других документах отсутствуют редко. Возможно, причиной этого является желание замаскировать недопустимо краткие сроки ведения дел. От постановления об избрании меры пресечения и до обвинительного заключения проходило два-три дня.

На основе справки были составлены постановления об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, подписанные начальником СПО 3-го отделения УНКВД по Западносибирскому краю. СПО – это секретный политический отдел при НКВД. Их было несколько, каждый из них занимался определенными участками работы: саботаж, террор, диверсии, агитация и так далее. Постановления об избрании меры пресечения в деле Крошечкина датированы 30 сентября. Постановления еще до начала следствия уже содержали все обвинения. В постановлении, составленном на архиепископа Крошечкина, он уже был назван главой контрреволюционной группы: «Отбывая наказание в Ново-Ивановском отделении под флагом исполнения религиозных обрядов, проводил к/р работу в лагере, создал и возглавлял к/р группу, проводил к/р агитацию, направленную на дискредитацию соввласти, распространял к/р провокационные разговоры о ее гибели» [1, л.д. № 2].

30 сентября сразу же в день ареста были допрошены Крошечкин, Ершов, Левицкий и другие. Анникова, Чернилевского допросили через 1-2 дня.

Некоторых подследственных – Крошечкина, Левицкого – допрашивали дважды, в деле Ершова, Анникова и Чернилевского протоколы только одного допроса. Схема всех допросов была одинаковая: предъявлялись обвинения в к/р деятельности и предлагалось дать показания по существу предъявленных обвинений. Когда обвиняемый отказывался, зачитывались показания свидетелей или других осужденных и повторялся призыв сказать следствию правду. Допросы заканчивались отказом подследственного признать свою вину. В этот период уже не требовалось признание вины самими арестованными. Считалось, что свидетелями они «достаточно изобличены». Свидетелями против священников выступили Кузин А. Н., Червяков А. С., Струмиловский А. И. и другие.

В качестве примера приведем протокол второго допроса архиепископа Павлина от 1 октября 1937 года:

Вопрос: «На следствии 30.09 вы отрицали свою виновность в создании контрреволюционной группы в лагере. Дальше вы также будете отрицать это?»

Ответ владыки Павлина: Да, это обвинение я полностью отрицаю, потому что в этом не виноват.

Вопрос: Кроме уже зачитанных вам показаний свидетелей, которыми вы изблечены в к/р деятельности в лагере, вам еще зачитываются показания одного из участников вашей к/р группы {...}¹, который на вас указывает, что вы являетесь организатором сборищ и руководителем их. Что теперь скажете?

Ответ: Я не отрицаю, что я и другие заключенные из бывших служителей религиозного культа, в том числе и, {...} собирались и проводили церковные песнопения. Этими сборищами я не руководил, а только давал некоторые указания, другого руководства там не нужно было.

Вопрос: Вы уклоняетесь от правдивого ответа на поставленный вопрос и не хотите сказать, что вы были организатором этих сборищ. Вам зачитываются показания одного участника вашей к/р группы {...}, который указывает, что сборища проходили под вашим руководством, и наряду с обсуждением вопросов о религии, на этих сборищах вами обсуждались вопросы политического характера. Теперь вы тоже будете отрицать свою виновность.

Ответ: Показания {...} не точны. Я не отрицаю, что с заключенными я проводил случайно беседы на религиозные темы, но вопросы политического характера при этих беседах я не затрагивал. В этой части показания {...} не верны.

Вопрос: Если при этих беседах речь шла только по религиозным вопросам, зачем вам нужно было избегать посторонних слушателей, при которых, как показал {...}, вы сразу прекращали беседы, и ваши слушатели расходились, объясните.

Ответ: На беседы собирались случайно, как я уже показал, заключенные из бывших служителей культа, а именно {...}, они никем не оповещались, а сходились сами. Беседы проводились преимущественно с ними, остальных заключенных мы избегали. И если во время нашей беседы кто-либо подходил из посторонних, я и остальные участники прекращали разговоры. Это делалось для того, чтобы вокруг нас не собирались посторонние люди, что для нас было нежелательно [1, л.д. № 7-8].

По такой же схеме велись допросы и других обвиняемых. Признать себя членом контрреволюционной организации следователь требовал от епископа Ершова:

«Ответ владыки Аркадия: Предъявленные мне обвинения я отрицаю, в контрреволюционной группе я не участвовал и контрреволюционную агитацию среди заключенных я не проводил. Не отрицаю, что с заключенным Крошечкиным я знаком, работал с ним в одной бригаде, и, как со знакомым еще по воле, по Управлению Пермской

епархией, беседовал с ним по вопросам чисто бытового порядка, мы ни разу не затрагивали вопросы политического характера.

Вопрос: Вы не хотите сказать правду. Имеющимся в деле следственными материалами вы изблечаетесь в том, что вы участвовали в контрреволюционной группе и вели контрреволюционную агитацию. Говорите правду.

Ответ: Я еще раз заявляю, что это обвинение я отрицаю. Я никогда в контрреволюционной группе не участвовал и контрреволюционную агитацию не проводил.

Вопрос: Вы лжете. Вам зачитываются показания свидетеля Б., которым вы изблечаетесь в том, что вы проводили контрреволюционную агитацию в лагере и участвовали в контрреволюционной группе. Следствие требует от вас правдивых показаний.

Ответ: Эти показания Б. я отрицаю, я никогда контрреволюционную агитацию не проводил. ...В контрреволюционной группе я также не участвовал» [1, л.д. № 24].

Была устроена очная ставка со свидетелем Б., на которой Ершов отверг все его лжесвидетельства.

Отличительной чертой дела архиепископа Павлина является наличие характеристик на арестованных. Ряд характеристик датируется 2 октября, есть характеристики и без дат. Все они были, конечно, отрицательными, и служили целью еще раз изблечить опасных контрреволюционеров. Приведем некоторые из них:

«З/к Крошечкин Петр Кузьмич, статья 72-76, срок 10 лет, л/д 235147 во время нахождения в подконвойном городке свинофермы Ново-Ивановского отделения работал бригадиром. К работе относился удовлетворительно, ежедневное задание бригады выполнял на 30-40% с плохим качеством, тем самым старался затянуть уборку урожая. Вел религиозную пропаганду среди лагерников, где организовывал верующих, проводил религиозное пение» [1, л.д. № 10].

«Характеристика

на з/к Ершова Александра Аркадия Павловича ст. КРГ, срок 5 лет, л/д № 265009. За время пребывания при Ново-Ивановском отд. При III-ей з/ф содержался в подконвойном городке, работал бригадиром подконвойных работ.

Не мобилизовал бригаду на лучшее выполнение, имея для этого всю возможность. При возможной работе приостанавливал работу, доказывая нереальностью, или же ссылаясь на погоду, чем задерживал уборку, вопреки заведомым распоряжениям руководства фермы» [1, л.д. № 26].

«Характеристика

на з/к Аников Куприян Григорьевич статья 58д срок 10 лет л/д 57587

За время пребывания в Ново-Ивановском лагере 3-й с/фермы на общих подконвойных работах к работе относился неудовлетворительно – без-

¹ В имеющихся в распоряжении автора документах все фамилии за редким исключением были вымараны.

различно, занимался разложением трудовой дисциплины среди рабочих бригад где организовывал лагерников по невыходу на работу создавая отказы.

Нач-к 3-й фермы (подпись)

Ст Воспитатель (подпись)» [1, л.д. № 63].

Обвиняемые во время следствия находились в арестантском помещении Ново-Ивановского отделения Сиблага НКВД.

Уже 3 октября было готово обвинительное заключение на всех восьмерых участников. Их признали виновными в том, что «отбывая наказание в Ново-Ивановском отделении Сиблага НКВД, объединившись под руководством заключенного быв. архиепископа Крошечкина проводили среди заключенных к-р деятельность. Привлеченные в качестве обвиняемых за исключением Чернышова виновными себя не признали, но вполне достаточно изобличается показаниями самих обвиняемых (Анникова и др....) и свидетелей {...}» [1, л.д. № 114].

Признание своей вины иеромонахом Чернышовым на наш взгляд никак не может его очернять или свидетельствовать о его слабости, нестойкости Он мог открыто обозначить свою позицию неприятия советской власти и признать это, что в глазах следователей является признанием вины.

Точно так же показания обвиняемых как доказательство вины происходило только в головах у следователей. Например, в обвинительном заключении указывается на показания Анникова, которыми якобы изобличается виновность арестованных. Что же показал Анников? Приводим полный текст допроса:

«Вопрос следователя: Вам предъявляется обвинение, что вы, отбывая наказание в Ново-Ивановском отделении, участвовали в контрреволюционной группе, возглавляемой заключенным з/к [Крошечкиным], с которым проводили среди заключенных контрреволюционную агитацию, направленную на дискредитацию соввласти. Дайте правдивые показания по существу предъявленного вам обвинения.

Ответ Киприана: Виновным в участии в контрреволюционной группе вместе с [Крошечкиным] себя я не признаю, в контрреволюционной группе я не участвовал, точно так же как не вел контрреволюционной агитации среди заключенных. Не отрицаю, что вместе с [Крошечкиным] иногда читали газеты, участвовал вместе с ним в молениях, которые устраивались за баракком во дворе подконвойного городка» [1, л.д. № 46].

Протокол допроса свелся лишь к этому одному вопросу следователя и одному ответу подсудимого.

Подобное же дело архиепископа Самойловича прошло в середине сентября соседнем Суловском лагере. Там было арестовано 15 человек. Дела по обоим процессам рассматривались тройкой УНКВД в один день – 28 октября.

28 октября появилось постановление тройки УНКВД Западносибирского края о расстреле всех участников (кроме одного – неизвестного) по делу архиепископа Крошечкина. 3 ноября были казнены семь человек, судьба восьмого неустановленного неизвестна. Места захоронения казенных согласно инструкциям НКВД сохранялись в тайне.

Двенадцать обвиняемых по делу архиепископа Самойловича были расстреляны на следующий день 4 ноября.

Никто из родственников и близких не оповещался о расстреле. Духовные ученики арх. Павлина Крошечкина и через двадцать с лишним лет после его расстрела ничего не знали о судьбе владыки. В жизнеописании Павлина, составленном одним из них в конце 50-х годов, пишется: «Что случилось с ним? ... Жив ли он, умер ли – неизвестно... Это было двадцать лет тому назад. С каждым годом огонек надежды на то, что он находится еще в живых, слабел и, наконец, совсем погас... Ведь ему теперь было бы более восьмидесяти лет (владыка погиб в 58 лет – В.П.). Где умер он?.. В какой обстановке и в каком окружении испустил он свой последний вздох?.. Где закрылись навеки его потухающие глаза?.. В какой неизвестной стране погребено его тело?.. Но, где бы ни лежал его прах, память о его светлом образе никогда не угаснет в душах знавших его...» [5, с.232]. Предположительно эта биография была впервые опубликована за рубежом в 1980 году в парижском русском религиозно-философском журнале «Вестник русского христианского движения».

Через некоторое время 19 декабря 1937 в Ново-Ивановском лагере и 3-ей колонна Ахпунского лагеря вновь прошли аресты священнослужителей. Было сфабриковано еще одно дело о контрреволюционной повстанческой организации «Российский общевоинский Союз» (РОВС), якобы ставившая целью свержение советской власти вооруженным путем, организацию терактов против руководителей партии и правительства». Дела о якобы заговоре РОВС были сфабрикованы по всей Западной Сибири. РОВС был военной организацией Белой эмиграции. Штаб РОВС находился в Париже, а его отделы и отделения – в странах Европы, Южной Америки, США и Китае. Начальник УНКВД Горбач по Новосибирской области всемерно раздувал дело РОВСа. Он сообщал Ежову, что в Новосибирске в ноябре 1937 г. вскрыт запасной повстанческий штаб, а разветвленная сеть РОВСа вскрыта в 17 лагпунктах Сиблага. По нашим данным, в Ново-Ивановском лагере по этому делу были казнены пять человек. Все они тоже являлись священнослужителями: священник Александр Воскресенский, священник Василий Гусев, протоиерей Могилевской епархии Павел Керножитский (арестован в 1936 году в Могилеве за «участие в контрреволюционной группе Крошечкина» в бытность его епископом Могилевским), протоиерей Степан Шепелев, католический

священник из Поволжья Георгий Степанович Байер [4].

Что касается дела РОВС в Ахпунском лагере, также расположенного на территории Кузбасса, нам известны имена только двух казненных священников: Измаила Сверчкова и Дмитрия Левкоева.

На Архиерейском Соборе РПЦ 20 августа 2000 года были причислены к лику святых пять казненных по делу архиепископа Павлина Крошечкина священнослужителей: архиепископ Павлин Крошечкин, епископ Аркадий Ершов, священник Никандр Чернелевский, священник Анатолий Левицкий, псаломщик Киприан Анников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив УФСБ России по Кемеровской области, д. № П-12421, т.1.
2. Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса 1929-1956 – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2009. – 430 с.
3. «Большой террор»: 1937-1938. Краткая хроника. / Сост. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. URL <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2007HgVT.htm> (дата обращения 10.09.2012)
4. Мальшикина Т. «Дело» Крошечкина // Золотые купола / Приложение к газете «Кузбасс» 2006. 31 мая, (№96).
5. Милостивый Владыка. Архиепископ Павлин (Крошечкин) / Их страданиями очистится Русь Жизнеописания новомучеников и исповедников Российских. М. 1996, с.232. См. в интернете: URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/stradaniya/Main.htm>
6. Новомученики и исповедники земли Кузнецкой. – Кемерово: Скиф. 2011. – 408 с.

Автор статьи

Правда
Вера Леонидовна,
Канд. истор. наук, доц.,
каф.отечественной истории, теории и истории культуры КузГТУ.
Email: veralavrina@yandex.ru

УДК 94(47)”19

Д.С. Орлов

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 80-Х ГОДОВ XX ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ И ИТОГИ РАЗВИТИЯ

После смещения Н.С. Хрущёва, принятые в 1963-1964 гг. решения стали реализовываться новым политическим руководством страны во главе с Л.И. Брежневым, а многие предшествующие им нововведения политико-идеологического плана, в первую очередь в системе партийно-государственного руководства сельским хозяйством были отменены. Начавшееся в период нахождения у власти Н.С. Хрущёва преобразование колхозов в совхозы, в рамках которого реализовывались доктринальные убеждения о преимуществах крупных хозяйственных структур над мелкими, признавалось целесообразной мерой и было продолжено, хотя его масштабы оказались не таким значительными, как прежде. В Кемеровской области во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. совхозизация деревни шла медленнее, чем в предшествующие годы и по темпам отставала от показателей Западной Сибири. За рассматриваемое двадцатилетие колхозный сектор области уменьшился 8 %, в то же время число совхозов увеличилось на 85 предприятий или 72

%. В Западной Сибири уменьшение числа кооперативных хозяйств составило 30 %, а государственный сектор вырос на 80 % (с 844 до 1512 хозяйств) [1]. Основная масса совхозов в Кузбассе была создана путем разукрупнения уже имеющихся предприятий и строительства новых птицефабрик, свинокомплексов и др.

В 1960-е–1980-е гг. организационно-производственным фундаментом аграрного строя страны стали крупные государственные сельхозпредприятия, в которые были превращены и колхозы, фактически мало чем отличавшиеся от совхозов. Наиболее показательными свидетельствами превращения коллективных хозяйств в совхозы стали введение гарантированной оплаты труда колхозников и распространение на них государственной системы пенсионного обеспечения. Существующие в Кемеровской области и стране к середине 1980-х гг. различия между сельхозартелями и государственными предприятиями были неприципиальными. Хозяйственная практика в советской действительности привела к сглаживанию